

Натаев Сайпуди Альвиевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории народов Чечни
Чеченского государственного университета

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЕ ЧЕЧНИ
В XVIII–XIX ВВ.
(ПО ДАННЫМ ЭТНОНИМИКИ
И ФОЛЬКЛОРА ЧЕЧЕНЦЕВ)**

Аннотация:

В статье рассматривается проблема этносоциальной структуры Чечни в XVIII–XIX вв. на основе данных этнонимии и фольклора чеченцев. Проанализировав исторические источники, этнографические свидетельства, данные фольклора и лексику чеченского языка, автор работы предпринимает попытку определить и смоделировать этносоциальную структуру чеченского общества в исследуемый период. Им также делается вывод, что чеченское общество в XVIII–XIX вв. не было социально однородным, а основная форма его социальной организации того времени, тайпы, сформировалась по признакам хозяйственно-профессиональной деятельности, сословно-кастового характера и инонационального происхождения.

Ключевые слова:

тайп, этносоциальная структура, этнонимика, фольклор, сословия, касты, социальные группы.

Nataev Saipudi Alvievich

PhD in History, Assistant Professor,
Department for History of Chechnya Peoples,
Chechen State University

**CONCERNING THE ETHNO-SOCIAL
STRUCTURE OF CHECHNYA
IN THE XVIII–XIX CENTURIES
(ACCORDING TO ETHNONYMICS
AND FOLKLORE OF CHECHENS)**

Summary:

The article considers the problem of ethno-social structure of Chechnya in the XVIII–XIX centuries on the basis of data of ethnonymics and folklore of Chechens. By studying the historical sources, ethnographic evidence, folklore, and Chechen language, the author attempts to define and make a model of the ethno-social structure of Chechen society of the period. It is concluded that in the XVIII–XIX centuries the Chechen society was not socially homogeneous, and its main form of social organization – the teip – was formed according to the economic and professional activity, class-caste nature, or foreign origin.

Keywords:

Teip, ethno-social structure, ethnonymics, folklore, class, caste, social groups.

Вопрос о социальных отношениях и структуре чеченского традиционного общества до сих пор остается слабо разработанным в исторической науке. Первые исторические сведения о социальных отношениях чеченцев содержатся в работе У. Лаудаева «Чеченское племя». По его мнению, социальная структура чеченского общества была неоднородной: наряду со свободными общинниками «оьзда нах» были зависимые прослойки «лай» – холопы и «яссырь» – пленники [1, с. 52]. Но этот тезис У. Лаудаева игнорируется исследователями, которым общественный быт чеченцев представляется на уровне патриархально-родовых отношений.

На основе анализа исторических источников, этнографических свидетельств, данных фольклора и лексики чеченского языка нами делается попытка определить и смоделировать этносоциальную структуру чеченского общества в исследуемый период (до середины XIX в.). Эта проблема практически не изучена в этнографической литературе по Чечне, хотя статьи, в той или иной мере затрагивающие данную тему, все-таки существуют [2; 3; 4; 5; 6].

Мысль о сословно-кастовом делении чеченского общества в прошлом была впервые высказана этнографом И.М. Саидовым. Совместно с Чаберлой, автором впервые было записано древнее предание о том, что в далеком прошлом все нахи делились на «пахарей» – «нохчий» и «чабарлой» – «овцеводов» (от «чаба» – пучок шерсти, служащий единицей измерения при торговле). Исследователь считал, что третьим по численности и социальной значимости было военное сословие – «арстхой/орстхой» [7, с. 12–15].

В названиях значительной части чеченских тайпов отражаются профессионально-хозяйственная деятельность и социальные ранги в структуре чеченского общества. В данной работе названия чеченских тайпов обозначены по признакам хозяйственно-профессиональной деятельности: земледельцы, животноводы, ремесленники, промысловики и др. В этнонимике чеченцев также отражена стратификация общества по сословно-кастовым признакам: холопы («лай»), военное сословие («арстхой/балой») и касты языческих жрецов («ц1ой»). Чеченские тайпы рассматриваются нами как социальные группы, принадлежность к которым была связана с определенным объективным положением и статусом в обществе, выполнением конкретных социальных

ролей в формах и видах хозяйственной деятельности, выполнением тех или иных социальных функций в обществе.

По нашим данным, номенклатура этнонимов чеченских тайпов, в семантике которых отражена земледельческая деятельность, состоит из 24 названий [8, с. 202].

Анализ семантики этнонимов этой группы тайпов показывает, что у чеченцев с древнейших времен была развита культура полеводства и земледелия со специализацией по разным видам зерновых культур. Об этом убедительно говорят этнонимы Белгатой, Белахой, Галай, Гатой/Готой, Гандадой, Зандакхой. Представители этих тайпов были земледельцами. В основе семантики названных этнонимов лежат слова «пашня», «лопата», «зерно», «хлеб». В пользу нашей точки зрения говорят также следующие этнонимы: Борселой – земледельцы, выращивавшие просо, Ветанхой – земледельцы-льноводы, Калой/Калой – земледельцы, выращивавшие пшеницу, Кеной – земледельцы, выращивавшие ячмень и овес (аккинский тайп), Кхенахой – земледельцы, выращивавшие ячмень и овес, Кхеной – земледельцы-овсянники, Мехкхеной – земледельцы, выращивавшие ячмень. На выращивании чеснока специализировались представители тайпов Бойшни, Боонхой. Тайп Кхошхарой – земледельцы-фасоловоды. Были тайпы садоводов – Бешхой, Кхордой, последние занимались выращиванием груш.

По мнению И.М. Саидова, в плане хозяйственной специализации второй по численности группой после земледельцев были животноводы, преимущественно овцеводы. Группа состояла из горцев, кочевывших на летние, осенние и зимние пастбища и почти не имевших возможности заниматься земледелием. Весенние и осенние пастбища чеченцев в основном находились на правой стороне р. Терек, а зимние – на левом берегу реки. Зимние пастбища имелись и в прикаспийской низменности. Количество традиционных овцеводов постепенно уменьшалось. Генерал Ермолов в 20-х гг. XIX в. писал, что захватил на зимних пастбищах миллион овец «мирных чеченцев», что свидетельствует о сохранении их, по крайней мере частично, до этого срока [9, с. 12–15].

Нами составлен перечень из 16 чеченских тайпов, в названиях которых отражается терминология, связанная со скотоводством, что свидетельствует о разделении труда и специализации в этой отрасли [10, с. 203].

Анализ животноводческой номенклатуры названий чеченских тайпов показывает, что чеченцы занимались преимущественно разведением мелкого рогатого скота, особенно овец. Например, Жерахой, Жевой, Жой, Жилашхой (Терлой), Элистанжхой – овцеводы, Хьюкой/Хьюркой – барановоды-заводчики, Австхой – скотоводы, разводившие коз, Андой/Аьндой, Желашкахой – владельцы овчарен. Серчихой разводили племенных быков и волов. О развитии коневодства у чеченцев говорит наличие этнонимов, связанных с этой отраслью: Гилшхой – коневоды, Закхой – коневоды, объездчики лошадей, Харкалой/Хьаркалой – наездники скаковых лошадей. Тайпы, входящие в общество Дишний, были скотоводами, занимались коневодством. При этом надо отметить, что Дишний был крупным союзом из семи тайпов.

В этносоциальной структуре чеченцев представлены 4 тайпа, основным занятием которых было пчеловодство [11, с. 204].

В этнической терминологии чеченцев есть 36 этнонимов, по своей семантике отражающих ремесленные занятия чеченцев в прошлом [12, с. 207]. Преимущественно – мастеров-ремесленников, связанных с деревообработкой: Ачалой, Базалой, Дашкахой, Зумсой, Кьовстой, Ноккхой, Саканхой, Хьаркунахой, Чармахой, Чермой, Шундий. Этнонимы Парчой и Гизхой говорят, что у чеченцев были доменщики, плавильщики металла, мастера-железообработчики. Тайп Клеганхой – хранители огня, угольщики. Ваьппий/Ваби, Пхьарчхой – кузнецы, ремесленники, Бавлой – строители боевых и жилых башен, Пешхой – строители. Оьргхой, Тулгхой, Чхьархой, Чхьарой – камнедобытчики, камнетесы, Мескаруой, Мескатуой – кожевенники, Меший – суконщики, Сирхой – изготовители пороха, красок, Нихалой – пивовары, Нижалой – изготовители целебного напитка «нижа» и т. д. В Чечне были целые поселения ремесленников – Калхадой, Ригахой.

Широкий спектр названий промыслов, которыми занимались предки чеченцев, проявляется в 15 этнонимах чеченских тайпов: Мужахой, Мужганой (Орстхой), Муьжганой (Шарой), Муьжганой (Зумсой) – солевары-растворщики, Даьттыхой, Даьттахой (Аух) – добытчики масел, Хьакхарой – добытчики, изготовители смазочных масел из нефти, Арии-овхалой, Овхой – люди, занимающиеся рыболовным промыслом, Икарой/Икьарой – охотники. Представляет интерес факт наличия в номенклатуре чеченцев этнонимов Даьттахой (Нохчмох), Даьттыхой (Орстхой), Даьттахой (Аух), одинаковых по своему лексическому и социальному содержанию, но расселенных в разных регионах Чечни [13, с. 208].

Семантический анализ названий чеченских тайпов по признакам хозяйственно-профессиональной деятельности дает нам возможность смоделировать хозяйственно-профессиональный сегмент этносоциальной структуры чеченского этноса. Вывод – внутри общества того времени

существовали устоявшиеся хозяйственные связи с разделением труда и специализацией в земледелии, скотоводстве, ремесле, промыслах, что отражено в названиях части чеченских тайпов.

По мнению И.М. Саидова, третья по величине социальная группа, военное сословие арстхой (арштхой), формировалась из представителей всех чеченских тайпов. Сословие состояло из рослых и сильных людей – «гела нах» из тайпов пахарей и скотоводов. Исследователь отмечал, что Орстхой признавали себя «нохчи» (чеченцами), но говорили, что мы «особые нохчи» [14, с. 12–15].

На основе анализа названий чеченских тайпов и данных фольклора чеченцев нами предпринимается попытка развития идеи И.М. Саидова о наличии у чеченцев в прошлом военного сословия арстхой/орстхой и предлагается свод из 54 названий чеченских тайпов, семантика которых отражает военный спектр чеченской лексики и относится, на наш взгляд, к военному сословию.

Семантический анализ этнонимов чеченских тайпов и военной терминологии чеченцев позволяет думать, что чеченское общество в своей структуре имело особое структурное подразделение, военное сословие, наиболее древнее название которого «балой». Каста военных впоследствии разделилась по территориальному признаку на чебалой (юго-восток Чечни) и арстхой/орстхой (запад Чечни). Главной задачей военного сословия была защита рубежей Чечни. Об этом свидетельствует целый ряд этнонимов, например, Хой (стражники, дозор) – так называлось пограничное укрепленное поселение Хой на границе с аварскими ханами; Кей охраняли рубежи на границе с Восточной Грузией. Эта тема в более полном объеме рассмотрена в отдельной статье [15].

Анализ этнонимов чеченцев позволяет сделать вывод, что роль военного сословия со временем ослабла из-за физических потерь. Впоследствии названия военных подразделений перешли в названия военных поселений – Макажа, Саьрбала, Лаьшкара, Орстха, Эрштха – и тайпов, населявших эти места [16, с. 213].

Этнонимика чеченцев богата свидетельствами существования в Чечне касты языческих жрецов института «Цунта». Этноним «Пхьяьмтой» имеет семантику «жрецы, служители храмов-святилища божества Пхья». Служителями общенахского языческого божества Цюй (Цю, Цие, Цив) в разных регионах Чечни являлись Цюй – тайп-каста жрецов, служители храма «Цюй мат» («Центр жрецов») или «Цюй пхьеда» («Поселение жрецов»). Жрецами божества Цюй являлись представители тайпов Цамадой, Цеси, Цекхаьллой, Цечой, Цикарой, Цийлахой, Цюонтарой. Терлой являлись жрецами верховного бога Терлой Дела. Представители тайпов Зусой и Тусой были жрецами-воспитателями в чеченских традиционных школах системы обучения и воспитания «Кхетош-кхиор».

Влияние жрецов на народ было безграничным до середины XVI в., когда на юго-востоке Чечни, в Нохчмокке, начал утверждаться ислам, и окончательно оно ослабло в конце XVIII в., когда мусульманство вытеснило язычество в высокогорных районах Чечни. С этих пор жреческая каста перестала существовать как социальный институт [17, с. 218].

В чеченском традиционном обществе существовало неравенство, связанное с принадлежностью к определенным тайпам (оьзда тайпа – благородный тайп, лай тайп – холопский тайп) или принадлежностью к разным конфессиям. Например, тайп аккинцев делился на аккинцев-мусульман и аккинцев – лам керста, язычников.

В фольклоре и лексике чеченцев отчетливо сохранились термины, обозначающие социальное деление общества, например «элий» – правители, «лай» – холопы, «йиссар» – пленники. Согласно легендам, правителями среди нахов считались млайстой, мизирой, нашхой.

По мнению И.М. Саидова, социальные категории «правителей» и «жрецов», «пахарей» и «земледельцев», «стражников» и воинов», а также зависимое сословие «лай» упоминаются в древних источниках [18, с. 12–15].

Этнограф С.А. Хасиев также считал, что в основе значительной части этнонимов чеченских тайпов лежит хозяйственно-профессиональная деятельность. По его мнению, ремесло, профессия – «касп» – являлась определяющим признаком тайпа [19, с. 70–76].

Лингвист К.З. Чокаев в своих работах на базе данных исторического языкознания предлагает семантику ряда названий чеченских тайпов и считает, что в основе названий тайпов лежали географические, сословно-кастовые и национальные признаки [20, с. 42].

Акцент на этносоциальный аспект в социальной структуре чеченского общества XVIII–XIX вв. нами был сделан потому, что этот фактор в исторической литературе не рассматривался. Социальная структура чеченского общества представлялась по упрощенной модели, состоящей из свободных общинников, зависимых сословий лай – «холопов» и йиссар – «пленников». Семантический анализ этнонимов чеченских тайпов дал нам возможность смоделировать этносоциальную структуру чеченского этноса и сделать вывод, что чеченское общество в изучаемый период не было социально однородным. Основная форма социальной организации чеченского общества этого периода, тайп, имел деление на тайпы, сформировавшиеся по признакам хозяйственно-профессиональной деятельности, сословно-кастового характера и инонационального происхождения.

Идеи о сословно-кастовом делении чеченского общества подтверждаются примерами из мировой практики развития человеческого общества. Читаем у В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе, описывавших общества древних индоевропейцев на ранних стадиях развития: «Если на начальных этапах социального развития общества отдельные социальные группы определялись не своей хозяйственной деятельностью, а принадлежностью к той или иной дуальной половине, роду или семье, то на более поздних ступенях общественного развития такие группы людей, которые характеризуются различными видами занятий, приобретают уже самодовлеющий характер, и их общественное положение определяется их социальной функцией, а не семейной или родовой принадлежностью; формируются определенные социальные группы людей, занятых той или иной хозяйственно-общественной деятельностью» [21, с. 787].

Исследователи отмечают, что уже на довольно поздней стадии социального развития индоевропейцев, по-видимому, к периоду распада индоевропейской общности, можно выделить по крайней мере три оформившиеся группы, которые отразились в древнейших индоевропейских обществах как три или четыре социальных ранга, характеризовавшихся ясно очерченными общественными функциями. В древнехеттском обществе среди свободных людей выделялись социальные группы «жрецы», «воины», «земледельцы», «плугари», «пастухи», «ремесленники», «ткачи», «плотники», «кожевники» [22, с. 787].

В Древней Индии существовало три основных социальных ранга (варны): «жрецы» – брахманы, «воины» – кшатрии, «земледельцы» – вайшья, а также ремесленники, соотносимые с четвертой варной – «шудрами». Близкая к этой система отражена в авестийских текстах, где различаются «жрецы», «воины», «земледельцы», «скотоводы» и «ремесленники», относимые к четвертому социальному классу. Аналогичная социальная система предполагается и для раннего древнегреческого общества, о чем можно судить по отраженным в древнегреческих мифах отношениям между отдельными социальными группами: «жрецами», «воинами», «стражниками», «земледельцами» и «ремесленниками» [23, с. 788].

Анализ семантики названий чеченских тайпов позволяет сделать вывод, что в этнонимии чеченцев отражаются социальные ранги (группы) земледельцев, животноводов, ремесленников, промысловиков, воинов, жрецов и др., характеризующиеся ясно очерченными социальными функциями, как и в древних индоевропейских обществах.

Национальное самосознание в Чечне было сильно связано с осознанием принадлежности людей не только к конкретным тайпам, но и к определенным социальным группам, объединенным профессионально-хозяйственной деятельностью, этническим происхождением и групповыми интересами. В этносоциальной структуре чеченского традиционного общества черты тайпового строя переплетались с наличием социальных групп, имеющих конкретно очерченные групповые интересы. Поэтому социальная структура чеченского общества, в отличие от социальной структуры других горских народов Кавказа, имела специфический этнический оттенок.

Ссылки:

1. Лаудаев У. Чеченское племя. ССКГ. VI. Тифлис. 1872. С. 3–61.
2. Саидов И.М. О нахских тайпах и тайповых отношениях // Справедливость. 1990. № 3–4 (15–16). С. 12–15.
3. Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник / Чеч.-Ингуш. НИИ ист., яз. и лит. Грозный, 1968. Т. II. С. 261–289.
4. Хасиев С.А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX вв.) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX вв.). Грозный, 1986. С. 70–76.
5. Чокаев К.З. Суффиксальное образование топонимических названий в нахских языках // Труды ЧИНИИИЯЛТ. IX. Грозный, 1964. С. 49–63.
6. Чокаев К.З. Ономастика на службе истории // Нана. 2006. № 6. С. 42–43.
7. Саидов И.М. О нахских тайпах ... С. 12–15.
8. Натаев С.А. Чеченские тайпы. Махачкала, 2013. 413 с.
9. Саидов И.М. О нахских тайпах ... С. 12–15.
10. Натаев С.А. Чеченские тайпы. 413 с.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Саидов И.М. О нахских тайпах ... С. 12–15.
15. Натаев С.А. К вопросу о военном сословии у чеченцев в период традиционного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
16. Натаев С.А. Чеченские тайпы. С. 413.
17. Там же.
18. Саидов И.М. О нахских тайпах ... С. 12–15.
19. Хасиев С.А. Указ. соч.
20. Чокаев К.З. Ономастика на службе истории. С. 42–43.
21. Натаев С.А. К вопросу о военном сословии ... // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20.
22. Там же.
23. Там же.

References:

1. Laudayev, U 1872, *Chechen Tribe*. SSKG, VI, Tbilisi, p. 3-61.
2. Saidov, IM 1990, 'About Nakh Taipei and taypovyh relations', *Justice*, no. 3-4 (15-16), p. 12-15.
3. Saidov, IM 1968, 'Ethnographic and folklore material of class relations at the Chechens and Ingush', *Archaeological and ethnographic collection*, Groznyi, vol. II, p. 261-289.
4. Hasiev, SA 1986, 'On the social content of the institute "taip" Chechens (XIX - early XX centuries)', *Questions of political and economic development of the Chechen-Ingush (XVIII - beg. XX centuries)*, Terrible, p. 70-76.
5. Chokaev, KZ 1964, 'Suffixed education place-names in the Nakh languages', *Proceedings CHINIYYALT*, IX, Groznyi, p. 49-63.
6. Chokaev, KZ 2006, 'Onomastics in the service of history', *Nana*, no. 6, p. 42-43.
7. Saidov, IM 1990, 'About Nakh Taipei and taypovyh relations', *Justice*, no. 3-4 (15-16), p. 12-15.
8. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
9. Saidov, IM 1990, 'About Nakh Taipei and taypovyh relations', *Justice*, no. 3-4 (15-16), p. 12-15.
10. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
11. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
12. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
13. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
14. Saidov, IM 1990, 'About Nakh Taipei and taypovyh relations', *Justice*, no. 3-4 (15-16), p. 12-15.
15. Nataev, SA 2015, 'On the question of the military class Chechens during the traditional society', *Theory and Practice of Social Development*, no. 20.
16. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
17. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipei*, Makhachkala, 413 p.
18. Saidov, IM 1990, 'About Nakh Taipei and taypovyh relations', *Justice*, no. 3-4 (15-16), p. 12-15.
19. Hasiev, SA 1986, 'On the social content of the institute "taip" Chechens (XIX - early XX centuries)', *Questions of political and economic development of the Chechen-Ingush (XVIII - beg. XX centuries)*, Terrible, p. 70-76.
20. Chokaev, KZ 2006, 'Onomastics in the service of history', *Nana*, no. 6, p. 42-43.
21. Nataev, SA 2015, 'On the question of the military class Chechens during the traditional society', *Theory and Practice of Social Development*, no. 20.
22. Nataev, SA 2015, 'On the question of the military class Chechens during the traditional society', *Theory and Practice of Social Development*, no. 20.
23. Nataev, SA 2015, 'On the question of the military class Chechens during the traditional society', *Theory and Practice of Social Development*, no. 20.